

УДК 1 (091)

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПАМЯТИ КАК ОСНОВА
ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
П. РИКЁРА¹**

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Реализуя в своей философской программе синтез европейской континентальной и англоязычной аналитической традиций, П. Рикёр формулирует концепцию исторического познания, которая отталкивается от принципиального признания сущностной взаимосвязи между прошлым и настоящим. Подобное видение утверждается на том основании, что понимание прошлого, по мнению автора, связано с функционированием памяти как способности воспринимать течение времени. С этой точки зрения предпосылки осмысления прошлого коренятся в жизненном мире индивида и напрямую связаны с опытом существования во времени. Но любой опыт должен быть выражен тем или иным способом, чтобы появилась возможность его понять и объяснить, и для исторического опыта естественной формой выражения представляется нарратив. Повествовательная форма определяет эпистемологическую стратегию исторической науки, заключая в себе потенциал критики свидетельств.

Ключевые слова: *герменевтика, феноменология памяти, нарратив, нарративная идентичность, исторический опыт.*

Предложенный Полем Рикёром вариант философского осмысления исторической проблематики опирается на последовательно развиваемую им программу синтеза европейской континентальной и англоязычной аналитической философских традиций. Воспитанный под влиянием различных течений французской религиозной и светской мысли П. Рикёр стал одним из первых интерпретаторов феноменологии Э. Гуссерля, а также продолжавших ее идеи герменевтик М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Столь богатый и плодотворный философский бэкграунд в дальнейшем дополняется восприятием сформировавшихся в рамках аналитической традиции нарративистских подходов к осмыслению культурных явлений. Такого рода синтез разнородных философских стратегий фундируется разработанным П. Рикёром регрессивно-прогрессивным методом, который включает две операции: во-первых, аналитическое разъяснение конкретного феномена, подразумевающее приведение его к составным частям и их последовательное рассмотрение, во-вторых, движение в обратном направлении, восстановление из разрозненно проанализированных элементов единого осмысленного феномена. Причем переход от одной ступени к другой не предполагает логической или хронологической последовательности, скорее подразумевая диалектическое единство разнонаправленных рациональных операций. Они непременно должны быть проведены совместно и взаимосвязано, что на практике воплощается в идее окольного и «долгого пути» философской рефлексии

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047.

французского мыслителя, согласно которому необходимо постепенно, шаг за шагом углубляя методологические возможности истолкования и выходя за пределы того, что обнаруживается в качестве непосредственно данного, подходить к раскрытию онтологии конечного явления [2, с. 311].

Подобное детальное рассмотрение под различными углами зрения анализируемого предмета становится характерной чертой исследований П. Рикёра. В частности, рикёровский проект исследования исторического опыта развивается от рассмотрения его различных сторон через последовательное движение от феноменологической фиксации его проявления в индивидуальной и коллективной памяти к нарратологическому конституированию в структурах исторического повествования, а затем и к герменевтическому выявлению его онтологического статуса [6, с. 202]. Кроме того, приверженность религиозной направленности, верность которой П. Рикёр сохранял на протяжении своей долгой карьеры, определила с одной стороны большое значение в его теории морально-этического ракурса, что стимулирует вовлечение в философский дискурс проблематики вины и прощения, а с другой – сохранение измерения истинности как подспудного фона всего хода размышлений. В этом смысле прошлое рассматривается не как нечто, навсегда оторванное от настоящего и способное существовать только в качестве искусственного конструкта, а как действительно случившееся, бывшее когда-то реальностью и напрямую связанное с ситуацией современности. Подобное всестороннее рассмотрение различных граней исторического познания и попытка объединения порой диаметрально противоположных подходов к видению прошлого определяют своеобразие и эпистемологическую ценность развиваемой П. Рикёром концепции.

К рассмотрению истории как специфической формы познания французский философ подходит через выстраивание феноменологии памяти и напрямую связанное с ней исследование опыта восприятия времени. Воспринимаясь в качестве неотъемлемой характеристики человеческого бытия, временность наряду с выраженной памятью и способностью оперировать с ней, полагаются основой самого феномена исторического, без анализа которой невозможно полноценное исследование проблематики познания прошлого. Рикёровский подход к анализу памяти во многом продолжает феноменологию Э. Гуссерля. В частности, он рассматривает интенциональность в качестве ключевого аспекта выделяемого явления. Но при этом он отталкивается в вопросе критики познания от того, что принимается непосредственной очевидностью [16, S. 34], теории немецкого философа противопоставляется принципиально апоретичный стиль размышлений автора «Памяти, истории, забвения». Поскольку целью феноменологического исследования ставится характеристика явлений человеческого опыта, то анализ такого сложного явления, как опыт воспоминания, не может не быть противоречивым. Своеобразие подхода П. Рикёра в том, что он стремится подойти к раскрытию феномена памяти скорее через ставившие им вопросы, через описание апорий, возникавших при размышлении о нем, чем через попытки эти апории решить. Так, он отмечает, что уже самое раннее вовлечение проблематики памяти в философский дискурс начинается с постановки Платоном парадоксального вопроса о возможности восстановления в памяти актуально отсутствующего предмета. Это в дальнейшем дополняется аристотелевским противопоставлением пассивной и активной способности воспоминания. Эта линия подводится П. Рикёром к

описанным А. Бергсоном оппозициям памяти-привычки как способности моторного запоминания много раз повторенного движения и собственно воспоминания как продукта рефлексивного усилия сознания, а также воскрешения в памяти, под которым понимается простое присутствие в ней, вызыванию в памяти как результату целенаправленного усилия [1, с. 65].

Ключевой чертой феномена памяти, которую выделяет французский философ, проведя его через череду этих апорий, признается соотнесенность со временем. Память – это именно отношение к прошлому, как в случае платоновского воскрешения, воспринимаемого ранее, которое противопоставляется возникающему в результате работы воображения ирреальному объекту [12, с. 44], так и в случае бергсоновских исследований памяти, в которых подчеркивается возможность дескриптивной классификации опытов по их временной глубине, начиная с тех, где прошлое примыкает к настоящему, и кончая теми, где прошлое узнается в его безвозвратной прошлости [там же, с. 49]. Способность человека вспоминать прошлое напрямую связано с его восприятием времени. Но и само переживание времени не может быть описано непротиворечиво. В данном вопросе П. Рикёр отталкивается от сформулированной Августином концепции *distentio animi* и тройственного настоящего.

Противоречие между невозможностью объективного определения времени и возможностью его опытного измерения, приводящее Августина к выводу об укорененности феномена времени в душе человека, задает ракурс рассуждений о том, как время вообще может быть описано. Время мыслится как проходящее, а прошлое и будущее представляются не как существующие сами по себе, а только в качестве временных характеристик – как настоящее прошлого и настоящее будущего. Но чтобы время могло быть осмыслено как прохождение, ему должна быть противопоставлена идея отсутствия времени, т. е. идея вечности – вечного настоящего. В связи с этим П. Рикёр приходит к выводу, что только из самого опыта переживания времени возможно извлечь средства внутренней иерархизации, которая способствует не уничтожению временности, но ее углублению [9, с. 41]. В этом смысле опыт переживания времени становится неотъемлемой составляющей онтологии человека. Человеческое бытие разворачивается во времени, что оказывает сущностное влияние на становление самосознания индивида. В феноменологии П. Рикёра этот момент артикулируется в определении идентичности «Я» через диалектическую взаимосвязь тождественности (*idem*) и самости (*ipse*).

Сформулированная в рамках рикёровской философии концепция антропологии характеризует человека, описывая его по четырем ключевым направлениям: как человека, ведущего диалог и разговаривающего; как человека действующего, способного участвовать в событиях; как человека, способного рассказать о себе, и как человека, осознающего себя автором своих действий и способного нести за них ответственность [2, с. 360]. Такого рода характеристики, конституирующие «человека могущего», предполагают с одной стороны осознание человеком своего отличия от других людей, а с другой – сохранение своей самости, восприятия самого себя как уникальной личности в течение времени. В плане отличия и выделения сингулярного индивида принципиальным для французского философа является тождественность тела, которое как бы обозначает собой границу единичного человеческого бытия, отделяющую его от остального мира. Именно тело, которое является и телом

вообще в смысле физической реальности, и одним из аспектов «Я», позволяет идентифицировать и повторно идентифицировать конкретного человека как того же самого [14, с. 52]. В вопросе сохранения самости затрагивается проблематика сознания и самосознания индивида. При этом важно отметить, что речь идет не о постулировании некой психологической сущности человека, которая сохраняет себя неизменной на протяжении времени жизни, а о способности человека осознавать себя меняющимся во времени, способности к самоописанию и созданию рассказа о самом себе, что П. Рикёр называет нарративной идентичностью. Описание самого себя, создание своей собственной истории оказываются основой осознания бытия человека.

Индивид представляется свободным автором повествования о своей жизни с позиции настоящего и одновременно плодом интриги собственной наррации [5, с. 162]. Важнейшей предпосылкой идентичности при этом является, безусловно, способность к памяти о прошлом, без которой рассказ о себе невозможен. Наиболее ярко подобное соотношение самосознания с темпоральностью проявляется во взаимосвязи нарративной и моральной идентичности: быть ответственным означает считать себя тем, кто сделал нечто в прошлом и кто сделает нечто в будущем [14, с. 346]. Нарративное измерение идентичности в этом отношении раскрывает свое значение на интерсубъективном уровне, предлагая понимание индивида как культурно опосредованного единства, ограниченного условиями человеческого существования [18, р. 248].

Утверждение феноменологии «Я» как противоречивого единства устойчивой тождественности и находящейся в процессе непрерывного становления самости определяет необходимость нарративного описания своей собственной личности. Этот рассказ, который сам не может оставаться неизменным, подразумевает единство меняющегося индивида. Он необходим в интеракции между людьми, но столь же важен и для самого человека, определяя то, как он осознает самого себя. А в связи с тем, что повествователь подразумевает слушателя, т. е. контрагента, П. Рикёр раскрывает потенциал другого внутричеловеческого бытия. Это, например, проявляется в определении «моего мозга» как не переживаемой интериорности, указывающем на тот факт, что мозг не ощущается частью тела, не может быть прочувствован, но только аналитически описан как находящийся внутри тела [14, с. 164]. В другом месте П. Рикёр анализирует гуссерлевское различие между плотью (Leib) и телом (Körper), которое призвано выразить опыт имманентной инаковости внутри субъекта. Для формирования чужой субъективности необходимо сформировать идею собственности, которое было бы как раз плотью в ее отличии от тела [там же, с. 377]. Необходимо осознание своего собственного тела как тела среди других тел. Подобный опыт себя как другого позволяет сформировать рассказ о себе, описать себя как другого или описать себя для другого.

Здесь проявляется важнейшая составляющая всей философской системы П. Рикёра, согласно которой переживаемый опыт, даже если это – опыт своей собственной самости, должен быть артикулирован нарративным образом, должен быть рассказан, чтобы быть воспринят сознанием. В этом смысле уже анализ феномена памяти как первого этапа построения теории исторического познания раскрывает необходимость рефлексивной деятельности и интерпретации даже на уровне осознания самого себя как пребывающего во времени субъекта. С этой идеей соотносится проводимое французским философом

фом исследование различных вариантов злоупотребления и нарушения памяти, в свете которого способность к воспоминанию рассматривается в качестве не всегда абсолютно надежного, бесспорного, но фактически единственного средства, позволяющего оперировать с прошлым, что подразумевает необходимость определенного рода критического инструментария и рефлексивного анализа данных памяти [12, с. 45]. Сходное движение мысли прослеживается и при переходе к исследованию форм коллективной памяти, функционирование которой оказывается аналогично памяти индивидуальной. Как память отдельного человека запечатлевается в его рассказе о себе, так и живой опыт коллективной памяти должен быть зафиксирован в форме свидетельств, которые возможно сохранить и с которыми может работать историк. Коллективная память формализуется в виде архивов и собраний письменно зафиксированных свидетельств, с чего и начинается становление собственно исторического познания [там же, с. 236]. Исторический опыт должен быть рационализирован, осмыслен, чтобы появилась возможность его объяснить и понять, подвергнуть критике, осудить или простить. История должна быть рассказана.

История обретает свое существование благодаря нарративному изложению, она становится доступной для восприятия в форме повествования, что поднимает вопрос о соотношении исторического сочинения с художественной литературой. При подходе к исследованию этого аспекта исторического познания П. Рикёр отталкивается от аристотелевской концепции интриги, утверждающей способность вымышленного рассказа рефигурировать временной опыт. С этой точки зрения историческое повествование разделяет структуру рассказа, которая разворачивается через три последовательные стадии мимесиса [8, с. 86]. На стадии мимесиса I раскрывается некое предпонимание, определенного рода ожидание относительно содержания рассказа, основанное на хайдеггеровской категории внутривременности как характеристике человеческой экзистенции и на опыте «бытия-во-времени». Построение интриги, репрезентация действия фундируются общим для автора и читателя пониманием специфики человеческого действия: его семантики, символики, временности [9, с. 79]. В данном случае французский философ, по сути, продолжает основополагающее положение герменевтики Х.-Г. Гадамера о значении предпонимания и предсуждения для интерпретации текста. Общность исторического и литературного повествования, проявляемая на стадии мимесиса II, определяется уже тем, что весь спектр возможных вариантов построения сюжета основывается на приобретаемом человеком жизненном опыте. В этом отношении даже так называемый метафорический способ референции художественного произведения возводится к реальной практике, рассматривается в качестве результата трансформации жизненного опыта действия [10, с. 165].

На стадии мимесиса II должна быть реализована собственно задача выстраивания интриги, цель которой – обеспечение возможности истории быть прослеживаемой. Рассказ должен вести от чего-то к чему-то, а история должна последовательно развиваться от некоего начала к некоему концу: проследить историю – значит двигаться вперед через случайности и перипетии, подчиняясь ожиданию, которое исполняется в завершении [9, с. 82]. Именно в этом проявляются присущие повествованию темпоральное измерение и способность операции построения интриги измерение рефигурировать и преобра-

зовывать в тексте. Время и развитие во времени остаются неотъемлемой составляющей исторического повествования.

Третья стадия мимесиса высвечивает диалогическую направленность рассказа, повествование должно быть воспроизводимо, репрезентируемо. История пишется для того, чтобы она была кем-то прочитана и понята, что, как указывает П. Рикёр, соответствует гадамеровскому принципу применения и аппликации истории действия [там же, с. 87]. Воплощенный в тексте опыт получает так дальнейшее развитие на интересубъективном уровне. Благодаря записанному рассказу и историографии становятся возможными накопление и передача общественно значимого опыта. С этой точки зрения, историческое исследование не ограничивается его записью в той или иной форме, оно продолжается при чтении независимо от автора, неизбежно приобретая новые оттенки смысла, новые интерпретации.

История разделяет повествовательную структуру рассказа и в этом смысле остается частью литературы, но одновременно с этим отмечается ее неустанное стремление к научному поиску, к установлению истины. Это своеобразие исторического сочинения задается уже на уровне негласного пакта между автором и читателем относительно ожидаемого содержания. Если сюжет вымышленного рассказа воспринимается как продукт фантазии художника, то сюжет исторического сочинения рассматривается скорее как результат вычленения определенной последовательности событий, произошедших ранее. В художественном произведении, даже если это – реалистический роман, рассказ ведется об ирреальном мире, о том, что могло бы быть, в то время как история берет на себя задачу описывать то, что действительно случилось в прошлом. Подобного рода различие утверждается еще Аристотелем, который приоритет отдает поэзии как воспроизведению общего, некоей сущности, схватываемой поэтом непосредственно, благодаря некому инсайту и вдохновению, в то время как история остается описанием череды одновременно случившегося.

В философии П. Рикёра основополагающее значение приобретают интенция истории к прошлому, направленность на правдивое повествование о произошедших событиях. В этой связи, в частности, формулируется идея перекрестной референции между историографией и художественной литературой, согласно которой литература заимствует у истории, стремящейся восстановить прошлую реальность по оставленным ею следам, динамизм повествования, «как если бы это происходило на самом деле», а история в свою очередь, неизбежно обращается к метафорической референции литературы, используя воображение как средство реконструкции прошлого [там же, с. 100]. Прошлое, являясь недоступным предметом для актуального восприятия, должно быть восстановлено и передано в форме взаимосвязанного текста. При помощи воображения, с одной стороны, мысленно реконструируются уже исчезнувшие явления, а с другой – эти явления связываются в единую цепь исторического рассказа. В свете данного факта оказывается актуально обращение к кантианской модели философии, поскольку в данном случае реально прожитое человечеством прошлое постулируется ноуменом, лежащим в основе эмпирически познаваемого феномена [там же, с. 117].

Подобная структура познания прошлого свидетельствует о том, что уже сама операция построения исторического нарратива обладает эпистемологическим характером. Само повествование о прошлом становится средством

его объяснения и определяет его понимание. И во многом именно такой ход размышлений приводит Поля Вена к ценному в контексте рикёровского подхода выводу о принципиально вероятностном характере исторического познания, не претендующем на точность научного метода. Объяснить в сфере истории означает подробно рассказать о случившемся, т. е. сделать понятным развитие событий [3, с. 109]. В свою очередь, П. Рикёр делает акцент не столько на отсутствии точного исторического метода исследования, сколько на том, что в истории возможно применение широкого спектра различных эпистемологических стратегий, не исключая и квазиномологические обобщения.

Историк может использовать любую методологическую модель, которая сделает его текст убедительным, будь то история ментальности, структуризм, история большой длительности или любая другая. Но каждый из возможных исследовательских подходов осуществляется в нарративе, история остается повествованием и именно структура рассказа обеспечивает истории связность и последовательность аргументации, т. е. делает историю историей. Такого рода направленность рассуждений позволяет раскрыть специфику исследования прошлого, показать, каким образом реализуется его познавательный потенциал. Однако при этом разговор до сих пор касался исключительно повествовательной формы историографии, оставляя открытым вопрос о том, как вероятностное познание может претендовать на решение задачи правдивой репрезентации случившегося в прошлом, каким образом осуществляется референция истории к прошлому. Для решения данной проблемы П. Рикёр обращается к рассмотрению критики источников, следов, оставленных прошлой реальностью. Вне зависимости от выбранной методологии исследования ключевую роль в нем занимают исторические источники, через которые реализуется связь прошлого с настоящим.

Следует отметить, что П. Рикёр уделяет особое внимание данному вопросу уже с самого раннего обращения к философскому анализу истории, высоко оценивая вклад Марка Блока в развитие теории исторического свидетельства. Достоинство подхода основоположника школы «Анналов» заключается в отказе от представления документа как источника фактов. Свидетельства видятся материалом для установления фактов, воссоздания событий прошлого, но то, каким образом прошлое будет реконструировано, зависит в первую очередь от историка, а не от источников, которые находятся в его распоряжении, вернее от характера вопросов, с которыми он к ним обращается [11, с. 37]. Этот подход П. Рикёр сочетает со сформулированной Карло Гинзбургом «парадигмой улики», согласно которой материальные и письменные свидетельства указывают на явления прошлого, определяя историческое познание как косвенное, симптоматическое, выстраиваемое по примеру медицины [4, с. 203]. В данном случае подчеркивается важность разнообразия источниковой базы исторического исследования. Перекрестная критика материальных артефактов, различного рода письменных и устных свидетельств, делопроизводственных документов и т.д. должна способствовать более точному восстановлению событий прошлого. Источником может стать любой оставленный прошлой реальностью след, который способен натолкнуть историка на решение поставленного им вопроса.

Во многом это требование «удлинения вопросника» продолжает коллингвудианский подход к рассмотрению исторических источников и «логики

вопроса и ответа» как основы исторического познания. Р.Дж. Коллингвуд и П. Рикёр опираются на различные и, по сути, параллельно развивавшиеся школы исторического исследования: первый продолжает линию английской критической философии истории, а второй – традицию школы «Анналов». Но оба теоретика отталкиваются в своих рассуждениях о достоверности исторического познания от идеи критического анализа источников, позволяющего устанавливать информацию о случившихся в прошлом событиях. Французский философ при этом отдельно концентрирует внимание на том, что след прошлого становится свидетельством в контексте исследования, только если у историка есть определенная гипотеза, только если вопрос задан, источник может помочь в ответе на него. Документ, как пишет П. Рикёр, не дан непосредственно, его нужно найти, обнаружить, документ устанавливается вопрошанием [12, с. 249–250]. Выявляемые факты представляются результатом динамического взаимоотношения между историком и источником, а не статично заданными объектами, скрывающимися в оставленных прошлой реальностью следах.

Таким образом, исторический факт рассматривается как рациональный конструкт, он формируется особой мыслительной процедурой, выделяющей его из ряда документов, которые удостоверяют и обосновывают установленные феномены. П. Рикёр утверждает пропозициональный характер исторического факта, в связи с чем можно говорить о его истинности или ложности. С этой точки зрения факты могут рассматриваться как опровержимые и верифицируемые в попперовском смысле [там же, с. 251]. Свидетельства либо указывают на феномен прошлого, либо не подтверждают его, ошибки и неточности могут возникнуть в случае недостаточной источниковой базы или некорректной критической работы историка, что относится уже к уровню объяснения, т. е. к уровню выстраивания нарратива. Но, что особенно важно для французского философа, на уровне самого документа осуществляется прямая референция к прошлому. Оставленный след должен быть интерпретирован и подвергнут анализу, чтобы стать источником информации, но как ноумен этот след является осколком прошлой реальности. Именно подобного рода остатки образуют связующие нити между современностью и прошлым, уже самим фактом своего существования подтверждая, что нечто когда-то было действительностью. В этом смысле исторический источник репрезентирует прошлую реальность.

Здесь необходимо отметить, что понятие репрезентации употребляется П. Рикёром в трех различных контекстах. В первую очередь, этот термин используется, когда речь идет о памяти как способности мысленно восстановить отсутствующий предмет или прошедшее событие, воспоминание предстает именно репрезентацией, повторной презентацией того, что воспринималось когда-то актуально. В этом же смысле и исторический источник, присутствуя в ситуации настоящего, представляет прошлую реальность. Репрезентацией также обозначается завершающая фаза исторического исследования, когда труд историка, воплощенный в повествовательной, литературной форме, публикуется в виде монографии или научной статьи и доступен читателю. Значение этого этапа в том, что таким образом историческое сочинение само становится документом, открытым для дальнейшего переписывания: тем самым историческое познание вовлекается в непрерывный процесс «писания истории», развития историографии [там же, с. 329]. Единичное исследование прошлого полагается не конечной констелляцией знания о некоем явлении, но скорее

приглашением к дальнейшему рассуждению о нем или репликой в бесконечном диалоге о прошлом. В третьем модусе применения понятие репрезентации раскрывается как сам процесс историописания. Французский философ предлагает использовать его для обозначения хода исследования, подчеркивая тем самым интенцию истории к истинности, ее референцию к прошлому. Историописание стремится к репрезентации прошлого, т. е. к правдивому и по возможности точному представлению случившихся событий. В этом отношении история как репрезентация прошлого напрямую связана с памятью, притязание памяти на верность предшествует притязанию истории на истинность [там же, с. 323]. Как возможность воспоминания отсутствующего задает программу феноменологии памяти, так и стремление истории репрезентировать прошлое определяет рикёровскую стратегию рассмотрения ее онтологического статуса.

К данной проблематике П. Рикёр подходит, отталкиваясь от развиваемого Райнхартом Козеллеком подхода, утверждающего историю, своеобразное предвосхищение ее целостности как конкретное применение исторического опыта, служащего предпосылкой практики историографии, что полагается в качестве расшифровки гадамеровского прочтения исторического опыта [6, с. 209–210]. Р. Козеллек рассуждает о времени истории, которое рассматривается как субъективное видение времени, укорененное в опыте взаимосвязи прошлого и будущего. Эти временные категории конституируются в ускользающем настоящем человека как исторического существа, что определяет тот факт, что само восприятие прошлого и будущего подвержено изменению, поскольку они формируются в диапазоне приобретенного жизненного опыта [17, р. 111]. Так, повседневный опыт человека традиционного общества предполагал крайне медленный и практически неощущаемый темп изменения образа жизни, в связи с чем и человеческое бытие, и история представлялись статичными, неизменными, но конечными в ракурсе эсхатологического будущего. Человек модерна живет в условиях постоянного изменения образа жизни, происходящего со все возрастающей скоростью. Это стимулирует неопределенность ожиданий относительно будущего, принципиальную вариативность и множественность историй, дополняемых сформированным научными достижениями представлением о бесконечности времени.

Темпоральный аспект исторической науки проявляет себя в системе хронологического датирования, которое, оставаясь культурно обусловленным, все же напрямую связано с физическими явлениями универсума. Датировка представляется своеобразным маркером, однозначно фиксирующим событие – Р. Козеллек пишет о временных границах, лимитах, установленных естественным временем, в рамках которых заключаются даже самые масштабные по длительности события, как, например, Реформация, поскольку всегда остаются временные точки, ограничивающие это событие как исторический период [там же, р. 108–109]. Но наряду с этим время также характеризуется как специфическое восприятие процесса становления, историческое время полагается неким психологическим конструктом, опытом осмысления истории. В конечном итоге подобная взаимосвязь естественного течения событий и стратегий его описания приводит к контаминации истории как комплекса, происходящего во времени (*Geschichte*), и истории как знания, рассказа о них (*Historie*): первое включает в себя второе, но может быть выражено и осмыслено только через дискурсивные практики второго. Это в сочетании с утверждением поня-

тия истории как собирательного сингулярного имени, охватывающего частные истории, приводит к образованию метакатегории «история как таковая». Подобное выделение обобщающего понимания истории становится предпосылкой рождения исторического опыта как модернистского мировосприятия, осуществляющего связь между состоявшимся прошлым, ожидаемым будущим и действующим настоящим [12, с. 421].

В контексте рикёровского подхода особое значение приобретает взаимосвязь между историей-процессом и историей-описанием. Историческая наука ставит своей целью рассказать о том, что случилось ранее. Предпосылкой подобного повествования являются события, действительно имевшие место быть в прошлом: то, что случилось, не может быть отменено, оно может быть только забыто [17, р. 108]. В этой связи французский философ обращается к хайдеггеровскому переходу от обозначения прошлого понятием *Vergangenheit* к его наименованию неологизмом *Gewesenheit*. Традиционное немецкое обозначение прошлого, происходящее от причастия прошедшего времени глагола *vergehen* (пройти, минуть), аналогично русскому и подчеркивает, что нечто пройдено, оставлено позади. М. Хайдеггер предлагает заменить это наименование существительным, образованным от причастия прошедшего времени глагола *sein* (быть), формирующего коннотации действительного существования в прошлом, которое напрямую связано с настоящим и обращено к будущему – *Dasein* может быть действительно существовавшим лишь постольку, поскольку оно является будущим [15, S. 326].

Концентрация внимания на связи прошлого с настоящим составляет ключевую особенность теории П. Рикёра, ведя к раскрытию онтологии исторического состояния, ибо никто не властен сделать так, чтобы то, чего больше нет, прежде не существовало [12, с. 612]. История познается в настоящем, проявляя себя в нарративной форме и принимая на себя все отличительные черты повествовательного жанра, но это познание становится возможным только потому, что прошлое связано с настоящим. Настоящее есть продолжение прошлого, что и создает условия для его изучения, которое в итоге утверждается в письменном характере объяснения и документальном доказательстве как основы притязаний истории на истинность [там же, с. 392]. Исследование прошлого оказывается возможным потому, что прошлое не остается в прошлом, оно продолжает существовать в настоящем, раскрывая себя историку через отсылающие к прошлой реальности остатки, которые подвергаются критическому анализу.

Таким образом, актуализируется одно из древнейших значений понятия история, в котором его употреблял еще Геродот. История – это исследование, попытка установить истинный ход событий. П. Рикёр возвращается к аналогии между работой историка и расследованием преступления, в котором первостепенное значение отводится доказательствам. То, что утверждает историк, должно доказываться, подтверждаться источниками. Однако французский философ сравнивает историка не столько с детективом, ведущим расследование, сколько с судьей, который занимает срединную – третью – позицию между двумя противоборствующими сторонами. Историк, побуждаемый стремлением к истине и справедливости, принимает на себя определенного рода обет беспристрастности [там же, с. 443]. Он должен вынести суждение относительно случившегося – суждение, которое неизбежно присутствует в

каждой исторической интерпретации прошлого. И в этом просматривается существенное отличие роли историка от роли судьи. Приговор последнего категоричен, конечен и обращен только к прошлому, в то время как решение историка принципиально открыто будущему пересмотру, даже в некотором смысле требует его, оставаясь временным и подверженным оспариванию [там же, с. 451]. В этом смысле отводимая историку позиция третьего лица – не роль кантианского трансцендентального субъекта, а приписываемая ему беспристрастность, не отсутствие интереса, но скорее позиция гражданина, принимающего на себя ответственность перед обществом и перед будущим. Историк не может занять абсолютно беспристрастную и независимую от его собственного сознания позицию, он остается человеком своей культуры и своего времени, его суждения о прошлом связаны с его личным жизненным опытом.

Прошлое предстает именно хайдеггеровской бывшестью – былым (*Gewesenheit*). Его понимание возможно только через призму временности человеческого бытия, сопрягающего прошлое, настоящее и будущее. Временность составляет экзистенциальную предпосылку соотнесенности истории с прошлым. Историк, будучи гражданином, «впутанным в историю» и охваченным процессом становления человеком, при созидании истории неизбежно включает свое собственное отношение к настоящему и будущему. Герменевтика исторического бытия утверждает рассмотрение прошлости в его отношении к будущности будущего и настоящести настоящего [там же, с. 486]. История создается в ситуации настоящего и неизбежно несет на себе его отпечаток. Так или иначе история остается современной, более того, она представляется становящейся и существующей в процессе постоянного развития, утверждаемого в бесконечном диалоге различных исследовательских подходов и различных интерпретаций событий прошлого.

С данным направлением рассуждений П. Рикёра соотносится сформулированный Ж. Делёзом тезис об одновременности прошлого и настоящего. Прошлое сосуществует с настоящим, чьим прошлым оно является: «Прошлое и настоящее указывают не на два последовательных момента, а на две сосуществующие стихии: одна – это настоящее, не перестающее проходить, а другая – прошлое, которое не перестает быть, но через которое проходят все настоящие» [7, с. 271]. Прошлое неразрывно связано с ситуацией настоящего и тем, что наступит в будущем, и уже поэтому историческое познание не может иметь окончательный характер. Никто не в состоянии изменить то, что случилось, невозможно сделать так, чтобы произошедшие события произошли по-другому, или отменить их вовсе, но это не означает, что прошлое детерминировано, а смысл того, что произошло в прошлом, не зафиксирован раз и навсегда [12, с. 531]. Ставя своей целью репрезентацию прошлого, история осуществляется через множество конкретных интерпретаций, оспариваемых и подверженных пересмотру. В связи с подобной открытостью к будущему французский философ переходит к обсуждению этического аспекта исторической науки. Во многом он тем самым продолжает идеи гадамеровской истории действия, раскрывая моральную сторону ее применения. Историк несет моральную ответственность перед прошлым, что особенно рельефно проявляется, когда перед ним стоит задача историзации «предельных» событий, которые пережило человечество в XX в.

Величайшие преступления, ужасающие события истории новейшего времени бросают вызов не только объективности и беспристрастности, но и самой способности историка осмыслить то, что имеет характер неприемлемого. Тяжесть травмирующих воспоминаний, непреодолимое различие свидетельств выживших прямых исполнителей и третьих лиц, в различной степени вовлеченных в произошедшие злодеяния, невозможность суммировать в рамках всеобъемлющей истории базирующиеся на разнородной эмоциональной основе реконструкции событий ярко демонстрируют сложность и противоречивость истории как формы познания. Столь же ярко проявляет себя и моральный долг историка, рассказывающего об этом, поскольку рассказать не значит оправдать, а объяснить не значит извинить – моральное суждение неразрывно связано с суждением историческим [там же, с. 363–367]. С этой точки зрения проблематика вины и прощения приобретает особый смысл. Прощение рассматривается как нечто экстраординарное, выходящее за пределы нормативного и устоявшегося порядка, как действительный «опыт невозможного» [там же, с. 648]. И осуществляется оно на межличностном уровне, поскольку прощаемы не действия или поступки, а личность, отделенная от них.

Совершенные действия, преступления становятся прошлым и уже не могут быть изменены, они остаются теми же, чем и были изначально, их нельзя простить, они остаются преступлениями и достойны осуждения. Но человек не остается тем же, кем он был в момент совершения поступка, его бытие продолжается. Прошлое влияет на становление личности во времени, человек живет исторически. Прошлое всегда остается с ним, но он может быть от него абстрагирован и отделен. И в этом смысле прощен может быть только индивид, что возвращает к идее человека могущего, человека ответственного, чья ответственность в данном случае воплощается в возможности что-то вменить ему в вину, приписать ему некое действие как его подлинному виновнику [13, с. 44]. Во многом здесь затрагивается тема раскаяния, признания вины как пути к отстранению себя от совершенных злодеяний. Преступления должны быть осмыслены как причинение вреда, нарушение прав других людей, и поэтому о них необходимо рассказать и написать историю. Но раскаяние не условие прощения, прощение не может быть институционализировано как применение некоей методики, некоего рецепта общественного согласия, достигаемого путем периодического отказа от применения наказания к совершившим преступления людям.

Обращаясь к философскому анализу юридической сферы, П. Рикёр особо подчеркивает, что те процедуры, которые могут претендовать на правовое воплощение феномена прощения, как, например, «амнистия» или помилование, отнюдь не аналогичны ему, а скорее даже представляют собой антитезу прощению [там же, с. 167]. Не случайно понятие амнистия этимологически восходит к греческому слову, обозначающему забвение. Амнистия состоит в фактической ликвидации вины, приобретая вид институциональной амнезии, призывающей поступать так, как если бы преступление вообще не было осуществлено. Решение о таком отказе от преследования, как правило, принимается политической властью, а не властью судебной, соответственно и цели подобных актов следует искать не в сфере справедливости, а в сфере политических отношений различных общественных групп. Но даже в случае осуществ-

ления неких юридических суррогатов прощения, отказа от вынесения наказания по причине истечения срока давности или престарелого возраста преступника принципиальным остается дистанцирование от совершенного поступка. Преступление должно быть осмыслено как нечто отделенное от субъекта, оно должно быть описано. Именно в этом проявляется принципиальное отличие прощения от амнистии: амнистия вычеркивает событие из памяти, оно отрицает историческое, прощение по сути своей и есть становление памяти.

Прощение рассматривает П. Рикёр как нечто, выходящее за пределы обычного, нечто выдающееся, обращающее на себя внимание. Такого рода акт может быть только межличностным, даже если прощение относится к событию, вину за которое разделяют миллионы сограждан. Оно не может быть анонимно и не может быть воплощено в определенной процедуре. Прощение не обобщается, оно всегда единично и конкретно. Оно может быть только личным, поскольку простить может только жертва, только тот, кто подвергся несправедливости. И по этой причине прощение никогда не может вытекать из обязанности. О нем можно только просить, а на эту просьбу можно ответить и отказом. Прощение представляется инструментом исцеления памяти от травмирующих воспоминаний прошлого, но не путем забвения, не путем вычеркивания, а тем, что оно дарует завершение работы скорби, наделяя память неким будущим [там же, с. 169]. Прощение становится средством принятия прошлого и средством примирения прошлого с настоящим, способом вписать самые жестокие и неприемлемые воспоминания в историю своей жизни. И в этом смысле прощение, возвышаясь над юридической сферой, сохраняет свое воздействие на нее в качестве некоего сверхэтического ценностного ориентира [там же, с. 168], так же оно оказывает влияние и на сферу исторического познания, демонстрируя пример историзации того, что кажется невозможным для осмысления, выходящим за пределы понимания и объяснения.

В заключение своих исследований по философии истории, итог длительного развития которых подводится в фундаментальном сочинении «Память, история, забвение», П. Рикёр возвращается к ключевому вопросу о соотношении памяти и исторического познания. Функционируя в едином поле восприятия прошлого, эти феномены проявляют определенную тенденцию к конкурированию. Однако как память, даже будучи письменно зафиксированной, ни в индивидуальной, ни в коллективной форме не может заменить или подчинить себе научную историю, так и история не в состоянии окончательно включить память в ряд объектов своего изучения. История обладает критическим инструментарием сравнения и проверки свидетельств, намного превосходит память и своей предметной областью, охватывая события и целые эпохи, от которых не осталось зафиксированных каким-либо образом воспоминаний. Но, тем не менее, память все же остается матрицей, моделью для исторического познания, поскольку именно память задает основу понимания прошлого. Именно она остается «хранительницей высшей конститутивной диалектики прошлости прошлого, т. е. отношения между “больше не”, подчеркивающим характер завершенности, упраздненности, преодоленности, и “было”, говорящем об изначальном и в этом смысле нерушимом характере» [12, с. 690]. Предпосылкой любого исторического исследования остаются не высказанная донарративная уверенность в том, что прошлое когда-то действительно существовало и уверенность в бытности прошлого.

Подобного рода взаимосвязь памяти и истории определяет значение феномена забвения в качестве неотъемлемой составляющей функционирования памяти, а вместе с ней и истории. Забвению, как безнадежной утрате прошлого, полному стиранию следа и различного рода дисфункциям памяти французский философ противопоставляет забвение-резерв, которое функционирует в парадигме бергсоновского вызывания в памяти [там же, с. 603–604]. Невозможно постоянно держать в сознании все, что воспринимается человеком на протяжении его жизни и весь накапливаемый опыт. Забвение выступает в роли ресурса памяти, позволяющего сохранять воспоминания незаметно для сознания, в не актуализованном виде. Забытое продолжает жить в бессознательном, пережитое прошлое неразруσιμο во фрейдовском смысле, оно участвует в формировании личности – настоящего и будущего человека. Ницшеанскому пониманию забвения, которое, разрушая воспоминания о прошлом, помогает становлению жизни, противостоит рикёровская трактовка забвения, которое, сохраняя следы прошедших событий, прокладывает мост к прошлому, делает возможной саму работу памяти и истории. Забвение приобретает значение интегральной составляющей памяти, без которой ее функционирование не представляется возможным.

Реализуя в своей историософской программе синтез различных философских направлений, Поль Рикёр формулирует концепцию исторического познания, которая отталкивается от принципиального признания сущностной связи между прошлым и настоящим. Современное состояние является продолжением развития прошлого и по этой причине не может быть от него отделено, но и само прошлое не может быть познано как изолированный феномен вне своей связи с настоящим и будущим. Подобное видение утверждается французским философом тем, что понимание прошлого связывается с функционированием памяти как способности воспринимать течение времени. В этом отношении предпосылки осмысления прошлого коренятся в жизненном мире индивида и напрямую связаны с опытом существования во времени. Но любой опыт должен быть выражен тем или иным способом, чтобы появилась возможность его понять и объяснить, и для исторического опыта естественной формой выражения так же, как и для самосознания, представляется нарратив. Повествовательная форма определяет эпистемологическую стратегию исторической науки, заключая в себе потенциал критики свидетельств. Прошлое, чтобы проявить себя прошлым, должно быть осмыслено как то, что было ранее, поскольку даже оставленные прошлой реальностью следы актуально существуют в настоящем. Чтобы они могли свидетельствовать о прошлом, должны быть наделены соответствующим смыслом, они должны стать знаками, отсылающими к тому, что было ранее [там же, с. 589–590]. Тем самым в философии П. Рикёра утверждается неизбежный плюрализм исторических интерпретаций, так как возможность достижения истины в сфере исторического познания связывается не с постулированием субстанциальной основы развития, а со способностью историка к критическому анализу исторических источников.

Поль Рикёр развивает теорию исторического познания, основанную на осмыслении взаимосвязи прошлого и настоящего. В этом подходе утверждается фундаментальная сопричастность прошлого, настоящего и будущего. Исторический опыт рассматривается как опыт неразрывного переплетения трех регистров временности, укорененных в онтологии человека. Именно осознание

«бытия во времени» как основополагающей характеристики человеческой экзистенции закладывает основу истории как описания прошлого. В этом смысле философская стратегия П. Рикёра противостоит трактовке исторического опыта Ф. Анкерсмита, раскрываемого как опыт осознания разрыва между прошлым и настоящим. Для Анкерсмита познание истории закладывается ностальгическим чувством утраты, отстранения от своего собственного прошлого. Только то, что уже не представляется современным, принадлежащим настоящему, с его точки зрения, может быть осмыслено как прошлое. Но подобное противоречие позволяет говорить не столько о том, что П. Рикёр и Ф. Анкерсмит предлагают два взаимоисключающих подхода к рассмотрению категории исторического опыта, сколько о том, что эти концепции анализируют различные стороны исторического опыта и скорее дополняют друг друга, обогащая наше познание. Проблематика взаимосвязи прошлого и настоящего сложна и принципиально противоречива, прошлое не является настоящим. История изучает то, что не дано как актуально присутствующее и временной разрыв между современностью и прошлым всегда сохраняется. Но, тем не менее, современность не является чем-то изолированным и статичным, оно – прямое продолжение прошлого и само уходит в прошлое, одновременно продолжая себя в будущем. В этой связи две разнонаправленные интерпретации исторической проблематики, развиваемые П. Рикёром и Ф. Анкерсмитом, рассмотренные вместе, дают гораздо более полное и плодотворное представление о взаимосвязи прошлого и настоящего, чем каждая из них, взятая отдельно.

Список литературы

1. Блауберг И.И. О памяти и забвении: П.Рикёр и А.Бергсон // Поль Рикёр – философ диалога. М.: ИФРАН, 2008. С. 60–75.
2. Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
3. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
4. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и приметы. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.
5. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Нарративная самоидентичность личности в философии П. Рикёра: герменевтика и аналитическая философия // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия», 2014. № 3. С. 148–166.
6. Губман Б.Л. Х.-Г. Гадамер и П. Рикёр: исторический опыт и нарратив // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация. Современная философия. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 193–210.
7. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
8. Петровская Е.В. «Великая нарратология» // Поль Рикёр – философ диалога. – М.: ИФРАН, 2008. С. 76–92.
9. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.

10. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.
11. Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
12. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
13. Рикёр П. Справедливое. М.: Гнозис, Логос, 2005. 304 с.
14. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Из-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
15. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1967. 449 S.
16. Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. Haag, 1950. 106 S.
17. Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts. Stanford, 2002. 380 p.
18. McCarthy J. Dennett and Ricoeur on the Narrative Self. New York: Humanity Books, 2007. 296 p.

MEMORY PHENOMENOLOGY AS A FOUNDATION OF P. RICOEUR'S HISTORICAL EXPERIENCE ANALYSIS

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

Proposing in his philosophical program a platform of synthesis of European Continental and Anglo-American analytical tradition, P. Ricoeur formulated a version of epistemology of history that is based on the existence of essential ties between past and present. This kind of vision is based on the interpretation of the past understanding as related to the memory function to preserve events happening within the time flux. From this point of view, the prerequisites of the past understanding are rooted in the individual's life-world and directly connected to the existence in time experience. Any experience should find the way of expression in order to comprehend and explain its content. Therefore, the historical narrative may be understood as the legitimate form of historical experience expression. Based on the sources criticism, the narrative form defines the epistemological strategy of history as a scholarly discipline.

Keywords: *hermeneutics, phenomenology of memory, narrative, narrative identity, historical experience.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: timmyy@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich is a Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmyy@ro.ru